

К Р О К О Д И Л

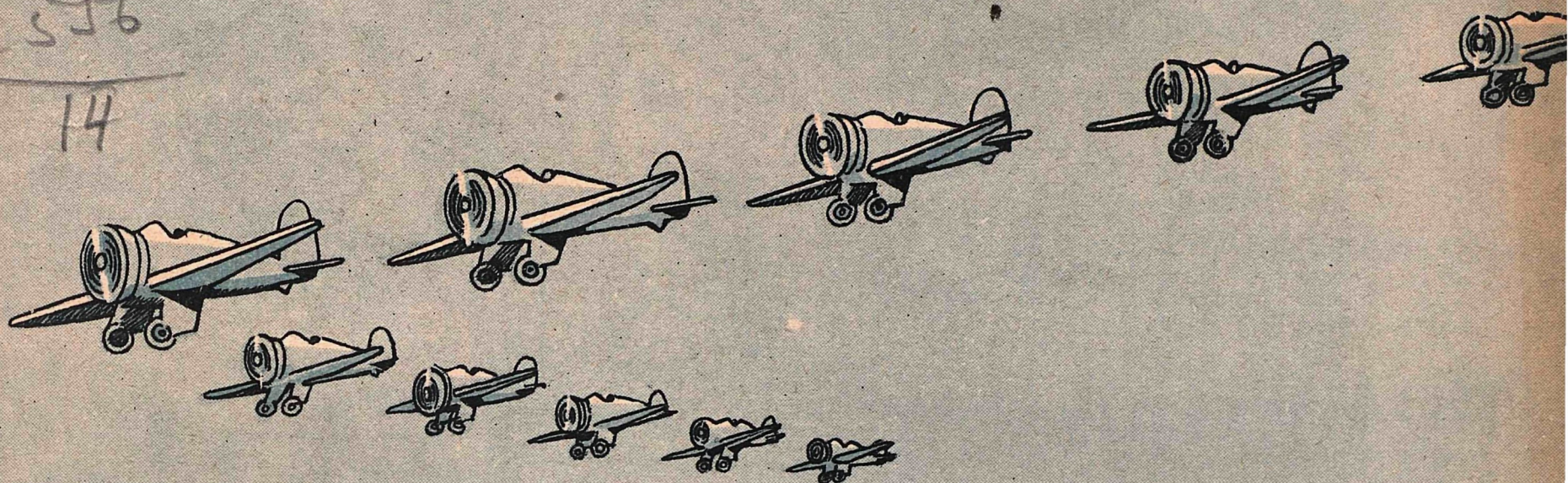
ЦЕНА НОМЕРА — 40 коп.

№ 23 АВГУСТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1935

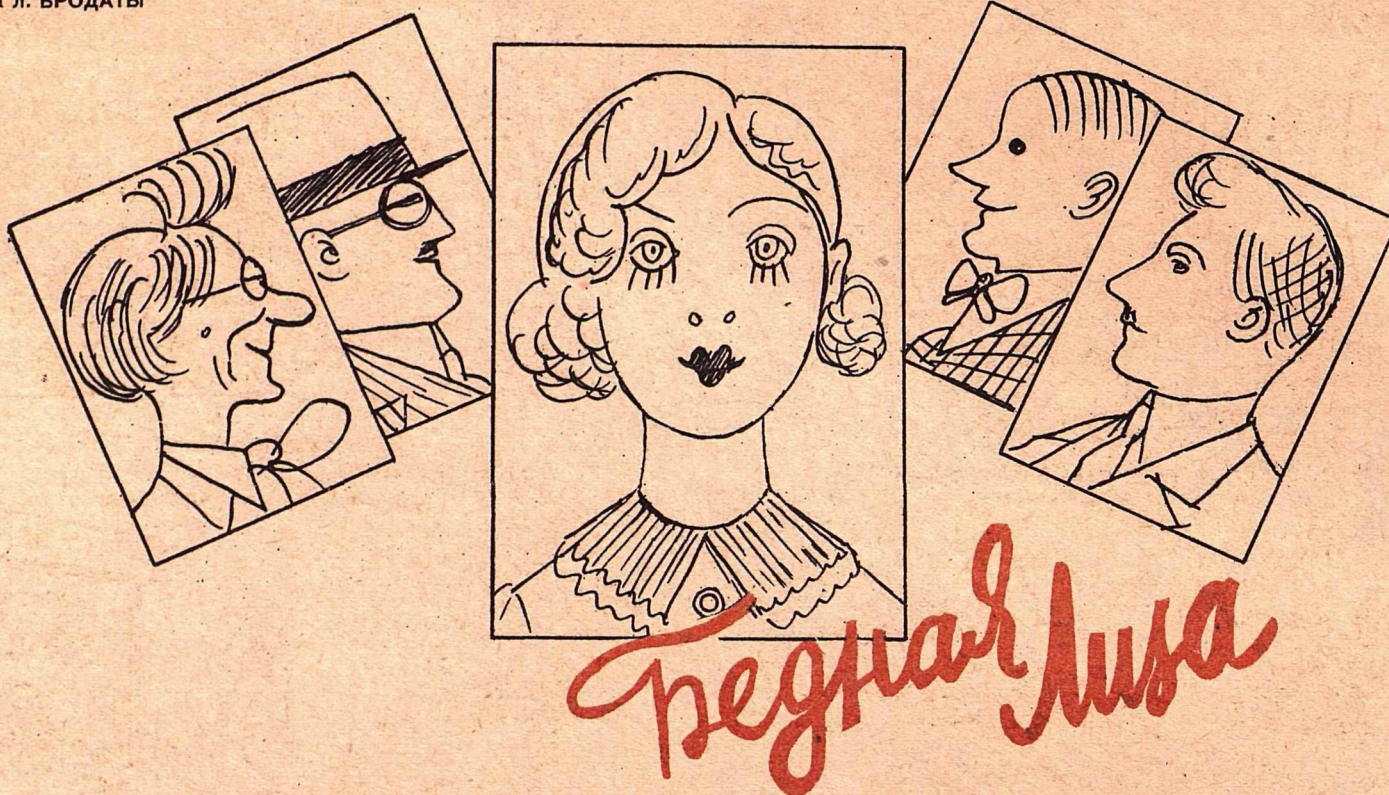
К 556
14

ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТ В АФРИКУ

ГУСЬ:—Вертай, братцы, назад. Видно, в этом году здесь будет слишком тесно.

Рис. К. Ротова

Одна молодая особа, весьма недуренькая брюнетка, решила в этом году разбогатеть.

То есть не то, чтобы она хотела заполучить сказочное богатство, как это иной раз бывает в странах капитала среди миллионеров и спекулянтов. Нет, она, конечно, этого не хотела. То есть, вообще-то говоря, она именно как раз этого и хотела. Но только она понимала, что это теперь не бывает. И потому она решила иметь то, что в пределах возможного.

Она хотела иметь какой-нибудь голубой фордик с постоянным, что ли, шофером, стандартную дачку, Торгсин. И, конечно, какое-нибудь знатное положение мужа, чтобы ей бывать повсюду и всех видеть.

А муж у нее был обыкновенный инженер. И он жил по-маленьку на свои семьсот монет. И, будучи энтузиастом своего дела, был до некоторой степени доволен.

Супругу же его не устраивала эта сумма. И, будучи женщиной праздной, пустынькой, со слабым мировоззрением, она мечтала о сказочной роскоши.

А ей кто-то сказал, что вообще как будто писатели живут сравнительно недурно. Что некоторые из них имеют пишущие машины, отдельные квартиры, а иной раз даже и автомобили. И пусть она среди этой прослойки что-нибудь себе поищет.

Но она не знала, где ей это искать. И потому она, не особенно задумываясь, сошлась с одним первым попавшимся автором.

Но тот, как нарочно, оказался на редкость несостоятельным и придурковатым субъектом. И вдобавок он был любитель алкоголя. И вообще через месяц он выразил желание, чтоб она непременно где-нибудь служила. Поскольку он сам на себя не надеялся, создавая слабые, маловысокохудожественные книги.

В общем, он не оправдал ее надежд, и тогда она, покинув этого своего выродка, вернулась к своему супругу.

И вот как раз тогда-то ее и познакомили с одним иностранцем.

Ей представили его в ресторане. И сказали, что он интурист. И что он живет в отеле, но этим он недоволен и мечтает найти комнату в частном доме месяца на два. Нет ли у нее такой?

И хотя у нее этого не было, но она, тем не менее, крайне обрадовалась и решила на два месяца переселить куда-нибудь свою преподобную мамашу, чтобы только ей не упустить избалованного иностранца, не могущего прожить в уютных, шумных отелях среди звонков и приходящих девиц.

В общем, этому интуристу и изнеженному аристократу она устроила у себя в квартире комнату. И тот к ним переехал

со своим ослепительным гардеробом, брюкодержателем, фотоаппаратом и так далее.

И вот Лиза, думая, что наступил главный момент в ее жизни, сошлась с этим иностранцем.

И тот ее исключительно полюбил. И сделал ей формальное предложение. На что она согласилась и даже — сверх того — очень тому обрадовалась.

И тогда она сразу бросила мужа. И стала с ним жить в маминой комнате.

И хотя ее иностранец по-русски не говорил, а она, наоборот, говорила только по-русски, тем не менее это отнюдь не послужило преградой для их взаимного международного счастья.

В общем, она была счастлива и мечтала о Париже, Лондоне, Средиземном море и так далее.

Но через месяц интурист, научившись более сносно выражать по-русски свои мысли, как-то раз особенно разговорился о том, о сем.

И из разговора она узнала, что тот вовсе и не собирается уезжать в Европу. А, напротив, он даже хочет тут обосноваться. И что там у них, за границей, закрылось какое-то их предприятие и он по этому случаю остался как бы даже без работы. Вот почему он и прибыл в Союз, надеясь тут подыскать что-нибудь по своей специальности.

Она, побледнев, попросила его повторить эти грубые русские фразы о том, о сем. И он снова сказал ей то же самое, добавив, что у него есть большие надежды здесь, у нас, устроиться, поскольку он специалист по шипучим водам и тут, в Союзе, это как раз, наверно, очень всем надо.

Тогда она, вспыхнув, не без яду спросила, зачем же он при своем положении, будучи простым безработным, смеет называться интуристом и при этом еще не оставляет своих изнеженных привычек и не живет в дешевых номерах, а своим видом и поведением смущает окружающих, допуская их делать нивесть какие выводы.

Тогда он заметил ей, что вот именно он как раз и переехал из отеля к ним на квартиру ради, так сказать, экономии.

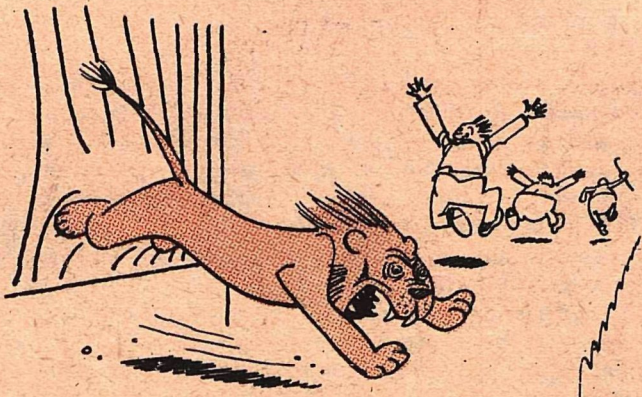
Тогда она заплакала, сказав, что если это так, то в ее слабой голове спутались все понятия об устройстве мира. И что об интуристах она была совершенно другого мнения. Она думала, что они все без исключения ездят ради прихоти и любопытства, а не ради того, зачем он прибыл.

Не хватало, дескать, ей еще за безработных выходить. Ведь этого даже у нас нету. А тут вот она нашла такого. Так уж лучше она выйдет замуж за нашего конторщика и будет получать свои сто целковых, чем что-либо другое.

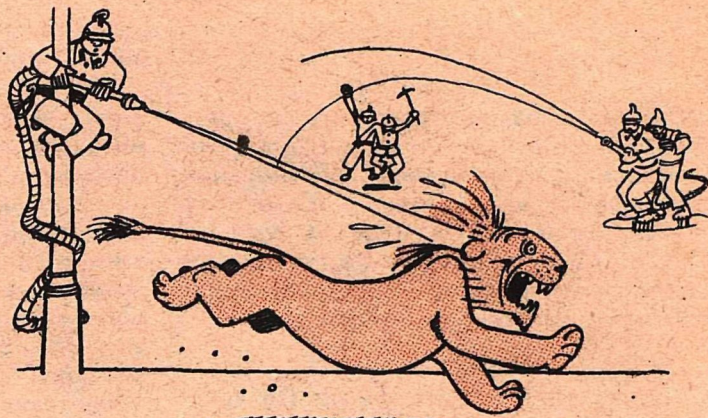
И вот она от обиды и унижения три дня плакала. И ве-

СТРАШНЫЙ БАРАШЕК

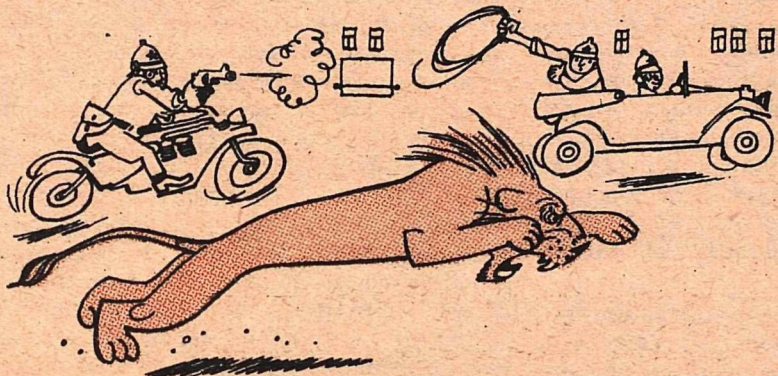
Рис. К. Ротова

— Спасите! На свободе лев!
Все убегают, ошалев.

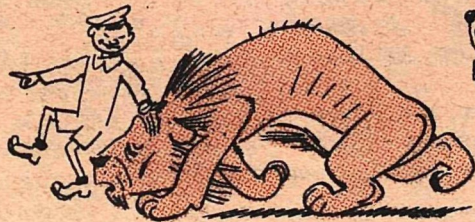
Воды стремительная сила
В нем зверских чувств не погасила.

А пуля меткого стрелка
Лишь оцарапала слегка.

Но цену увидав барашка,
Лев подскочил, со львом кондрашка.

Он, направляя в клетку путь,
Плетется рысью как-нибудь.

леда интуристу уехать в отель, поскольку мамаша жила на улице.

В общем, она рассталась с ним. Тем более, что ее первый муж, как выяснилось, сделал какую-то крупнейшую экономию на службе и за это получил десять тысяч рублей премии, что и было объявлено в газетах.

Однако супруг, не зная еще, что она к нему вернется, отдал эти деньги на строительство. Он был большой энтузиаст, и он отдал эту сумму государству.

А она, вернувшись и узнав об этом, до того расстроилась, что супруг боялся за целостность ее рассудка.

А ей кто-то сказал, что тот самый злосчастный писателюшка, с которым она недавно жила и не была счастлива, неожиданно сильно пошел в гору. Он бросил писать свои слабые вещицы и неожиданно вдруг написал пьеску, которая по силе, говорят, не уступала Борису Шекспиру или что-нибудь вроде этого. И что он теперь этим великолепно зарабатывает.

Она, огорчившись, что не подождала этой его хорошей полосы, снова хотела сойтись с этим драматургом. Но он, оказалось, уже имел две семьи и был сравнительно счастлив.

Тогда она, подойдя благодаря этому знакомству несколько ближе к театральным делам, нашла тут больше возможности. Вдобавок ее в театре познакомили с одним эстрадным комиком, который, говорят, зарабатывал очень крупные деньги.

Она хотела было сразу сойтись с этим комиком, но в последний момент испугалась какого-нибудь надувательства или

подвоха с его стороны, вроде как было у ней с интуристом или что-нибудь вроде этого.

И тогда она не вышла за него замуж, а решила, если на то пошло, сама стать артисткой.

И она стала изучать танцы, чтоб с ними выступать на эстраде.

Но от неприятностей с интуристом у нее доктора нашли невроз сердца и нервную сыпь на теле. И потому она стала учиться петь.

И сейчас она поет. И уже начала порядочно зарабатывать в закрытых концертах и в домах отдыха. И очень довольна.

Но довольство ее продолжалось до тех пор, пока ей не рассказали об ее интуристе.

Ей сказали, что этот ее иностранец нашел здесь очень хорошее место, получил прекрасное содержание, женился на одной девице и с ней выехал к себе на родину для устройства своих дел и чтобы привезти сюда автомобиль.

Вот это известие она, действительно, перенесла с трудом. И у нее даже пропал голос. Но через две недели она снова оправилась и сейчас опять поет, как умеет. Но сыпь на коже у нее так и осталась.

А то, что она артисткой стала, то для нее это очень хорошо, а для публики, наверно, это весьма посредственно.

В общем, в таких случаях всегда лучше танцевать чем петь. И молодые особы при подобной ситуации должны всегда учитывать это горячее пожелание публики.

Мих. ЗОЦЕНКО

К Л О Н Д А Й К

(ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ „БОГАТАЯ НЕВЕСТА“)

(Вбегает Адольф Суслик с двумя арбузами в руках. Он весь опутан дикими цветами и огородными лианами как Офелия. За ним с дымящимся ружьем гонится Нестор. Второй выстрел.)

Суслик. Я это предвидел. Держите этого сумасшедшего. Он меня убьет. Он меня, кажется, уже убил!

(Входит Галя.)

Нестор. Вот этот самый. По кавунах лазил.

Галя. Предъявите документы.

Суслик. Пожалуйста. Сколько угодно. Таких документов, как у меня, вы ни у кого не найдете. Вот... (вынимает огурец). Пардон. Вот... (вынимает помидор). Ох, нет, это не то... Вот... (вынимает свеклу). Опять не то. Одну минуточку. Вот, пожалуйста. (Протягивает Гале бумажку.)

Галя (читает). «Предъявитель сего товарищ Адольф Суслик является уполномоченным передвижного эстрадного театра и командирован в колхоз «Зеленый кут» для обслуживания уборочной кампании». Где же ваши артисты?

Суслик. Фургон тут недалеко застрял, колесо сломалось.

Галя. Сейчас я за ним трактор пошлю. Да вы пока садитесь.

(Галя уходит.)

Суслик (Гусакову). Садитесь! Легко сказать. Редкое хамство. В живого человека солью. Позвольте представиться — Адольф Суслик!

Гусаков. Очень приятно. Гусаков!

Суслик. Товарищ Гусаков, вот вы были свидетелем этого инцидента с солью. Скажите, разве человек искусства может жить в такой нездоровой атмосфере? Если бы не грубые материальные интересы, разве я сюда полез бы?!

Гусаков. Какие тут материальные интересы! Одни слезы! Здесь никто не может купить что-нибудь хоть на рубль. Представьте себе: у меня запланировано к сбыту товаров на семнадцать тысяч пятьсот девяносто два рубля, а продал я две коробки спичек и один конверт — итого на сумму шесть копеек. Нет, это не жизнь для белого человека! Я пропал. Меня обязательно выгонят со службы и пропечатают в газете. Погиб Гусаков! Гусаков лежит на дне ямы! А какой человек был Гусаков!

Суслик. А какой человек был Гусаков?

Гусаков. Еще совсем недавно заведывал Гусаков плановым отделом. И как заведывал!

Суслик. А как заведывал?

Гусаков. В шесть дней перевел Гусаков всю работу кооперации на строго научные рельсы. Гордый был Гусаков. Даже фамилию хотел переменить: Гусаков на Уткин. Так нет же, сняли, кинули в самую низовую точку. Ниже нет уже ничего, только

сырая могила. Ты, говорят, все это напланировал, ты и продавай. А кому продавать, когда никто ничего не покупает?! В любой другой стране я мог бы выпутаться из петли. Я мог бы получить наследство от бабушки, мог бы выиграть в карты миллион, наконец, я мог бы жениться на богатой. Жениться на богатой! Какое удобство! Какой комфорт! Какой изящный выход из безвыходного положения! А здесь я погиб! Вокруг меня нищие!

Суслик. Позвольте! Товарищ! Вы не чувствуете дыхания эпохи. Деревня! Колхоз! В том-то и дело, что в наших условиях это — золотое дно, Клондайк, Эльдorado! Колхозники! Это же богатые люди. Хороши нищие! Да вот, например, простая, обыкновенная, ничем не замечательная колхозная кухарка. А вы ее потрясите, попробуйте. (Обращается к Усте.) А ну, тетка, скажи, сколько у тебя трудодней?

Устя. Та мало. Двести восемнадцать.

Суслик. Слышите, она говорит мало. А знаете ли вы, мосье Гусаков, что это такое двести восемнадцать трудодней! Посчитайте. Это значит, что мы имеем у старухи: сто тридцать пять пудов зерна, больше тысячи рублей денег да огородные культуры, да сады, да прибавьте к этому еще собственную корову. Потом еще овцы, свиньи, курицы...

Гусаков. Кавуны.

Суслик. Не будем говорить о кавунах. Масса индюков, гусаков...

Гусаков. Не будем говорить о гусаках.

Суслик. Сливочное масло, свежие яички, сено, овес, полова, солома — словом, Клондайк!

Гусаков. Почему ж они ничего не покупают?

Суслик. Милый! Дайте им реализовать урожай. Они вам покажут. Весь товар расхватают в пять минут.

Гусаков. Стоп, стоп! (Встопорону.) Женюсь на кухарке. (Подходит к Усте.) Бабушка, это правда, что у вас двести восемнадцать трудодней?

Устя. Я что, я кухарка, у меня мало. Вот у моей Галечки, люди говорят, будет не меньше, как пятьсот трудодней. (Уходит.)

Гусаков. Пятьсот! У кого? Адольф, вы слышите, у этой курносой девки пятьсот трудодней.

Суслик. Какая она вам девка! Какая она вам курносая! Вы не читаете газет. Это же знаменитость! Шаляпин! Ее портреты напечатаны во всех газетах. Ее знает весь Союз!

Гусаков. Товарищ Суслик, вы театральный администратор, вы знаток женского сердца, помогите мне срочно жениться хоть на этой Гале, хоть на Поле, хоть на Фене, хоть на чорте в ступе, лишь бы с трудоднями. Будьте отцом родным. Дайте совет.

Суслик. Сорок процентов.

Гусаков. Чего сорок процентов?

Суслик. Всего. С валового сбора. С приданого. С трудодней, с гусей, овец, мелкого рогатого скота, крупного рогатого скота, сена, половы — ну, словом, сорок процентов со всей природы.

Гусаков. Сорок процентов за совет?

Суслик. Да, за совет, за помощь, за организацию брака.

Гусаков. Дорого.

Суслик. Ему это дорого! А вы знаете, какая волшебная вещь может произойти. Завтра вы женитесь, будете лежать в прохладной хате, в хлеву будут блеять овцы, ваши овцы. Корова будет жевать ромашки под вашим окном. Ваша корова, ваши ромашки. Иногда она будет подносить к вам свое вымя, розовое, большое и красивое, как эгрусская ваза, и говорить вам: «Подойте меня, товарищ Гусаков, вы меня давно не доили». Могучие свиньи будут призывно хрюкать во дворе, дрожа от нетерпения, чтобы вы им поскорее отрубили задние ноги на холодец. А поросята, маленькие резвые поросятки, будут просовывать свои нежные пяточки в вашу дверь и лепетать: «Гусаков, с'ешь нас с хреном, с'ешь, ну, что тебе стоит».

Гусаков (хрипло). Пятнадцать процентов.

Суслик. Гусаков, а борщ, а вареники, а запеканка...

Гусаков. Двадцать процентов.

Суслик. Гусаков! В сберкассе у вас будет храниться пять тысяч. Иногда, лежа на печи, вы будете лениво выписывать чеки на разные суммы. При вашем незаконченном среднем образовании, при вашей наружности, при вашем богатстве и личном обаянии вы будете самым популярным человеком в районе. Вы займете в обществе видное положение мужа лучшей ударницы, и вас обязательно выберут депутатом в Москву. Депутат Гусаков! Я вам отвечаю за это!

Гусаков. Тридцать процентов!

Суслик. Хорошо. Только письменное соглашение, чтоб потом не было никаких разговоров. Вот контракт.

Гусаков. Когда вы успели?

Суслик. Я все предвидел. У вас есть ручка?

Гусаков (радостно). Ручек нет.

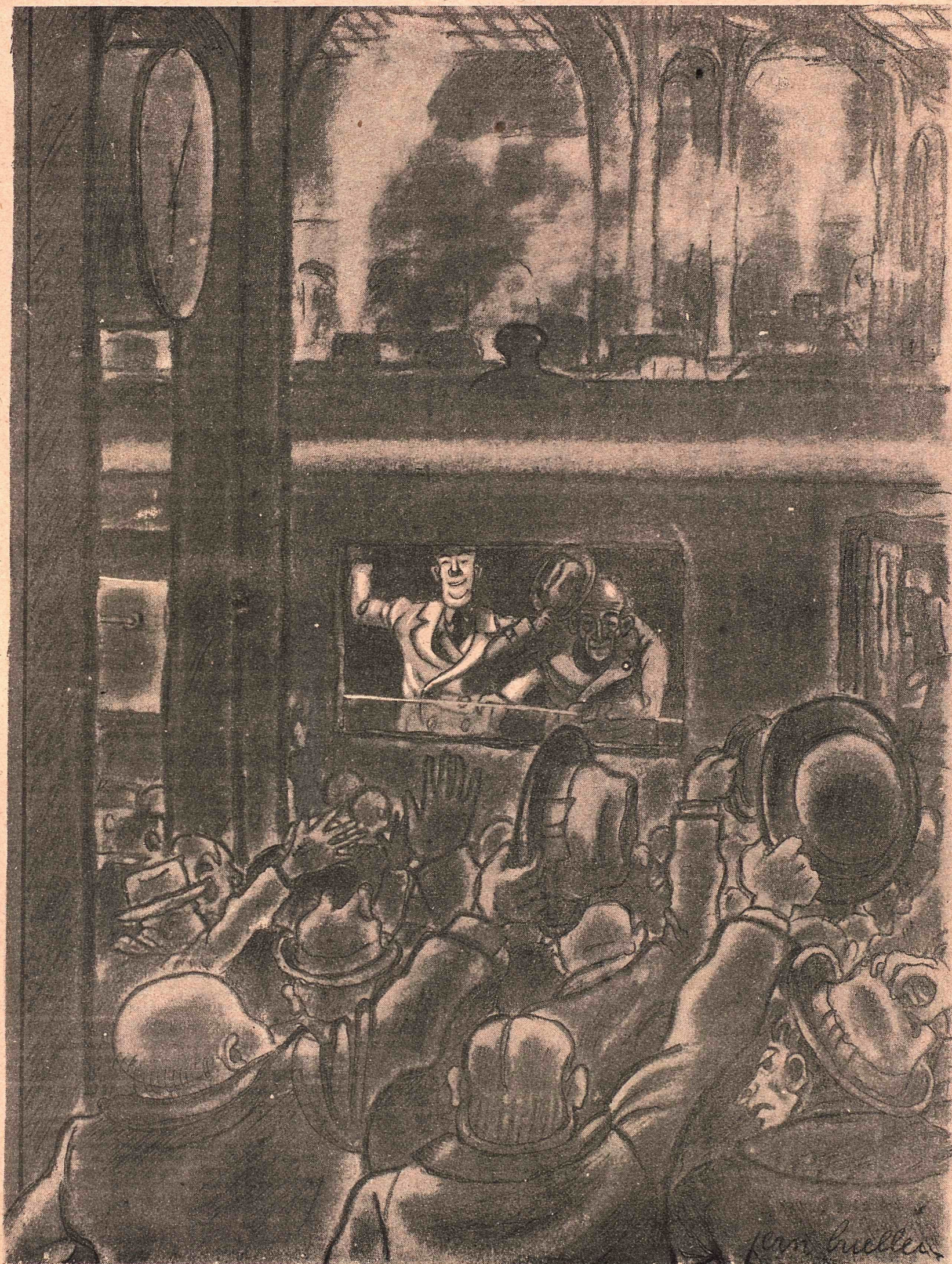
Суслик. Я это предвидел. (Ловит гуся, вырывает из него перо, подает Гусакову походную чернильницу.) Пишите здесь — Гусаков. (Гусаков пишет.) Ну, вылитый Пушкин. Пишет гусиным пером и голова бронзовая.

Гусаков. Ну, Гусаков, все твое, если ты не будешь болваном!

И. ИЛЬФ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

СЕКРЕТАРЬ ЗНАМЕНИТОСТИ

Рис. Жана Брюлле (Париж)

И мы пахали...

В РАССУЖДЕНИИ ПОМЫТЬСЯ

Рис. Н. Ротова

Как известно, баня как таковая разделяется на вешалку, горячую воду и мочалку. Прикиньте к этому таз или шайку с ручкой — и человек уже вымыт, вытерт и счастлив. Но именно на этом фронте и срывается подлинное освоение бани.

Возьмем, например, мочалку. Не посылает ли мочалок на экспорт. Не трутся нашими мочалками английские аристократы в фамильных банях и не пользуются ими в часы разгула американские короли железа и наваги. Не организуем ли сокрушительного демпинга из советской мочалки. И сами не получаем из-за границы импортных мочалок голубой раскраски с тяжелыми пломбами и немецким объяснением, как и в какой дозе их употреблять.

Работаем в этой области исключительно, так сказать, на местном сырье, опираясь на добывающую и обрабатывающую промышленность.

И тем не менее в городе Караганде в единственной городской бане висит на гвозде единственная в районе мочалка, которую сдают моющим в недолгосрочную аренду при уплате за нее 1 (одного) рубля.

Моющий элемент вступает в договорные отношения с банной администрацией, счастливцев получает под залог районную мочалку и несет ее как знамя в парное отделение. Там он моется под завистливые взгляды неудачников и похлопывает себя по бедрам густо намыленной мочалкой под их немые укоры.

После этого мочалку стирают, наскоро высушивают и сдают в аренду следующему удачнику.

Может быть, по выходным дням ее даже показывают в целях научно воспитательных подрастающему поколению. Что не знаем, — не знаем. Но должно быть. Пусть и дети познакомятся с этим редким достижением техники последних лет.

В Курске на мочальном фронте легче. В единственной городской бане мочалками швыряются с чисто азиатской роскошью. Но в бане нет вешалки.

Одежда складывается в особой системе ящики, у которых нет замков. Некоторые посетители приходят, раздеваются, складывают одежды последнего московшвеевского фасона в ящик и сидят около него в раздетом состоянии, чтобы не украли. Когда это надоедает, они достают одежду из ящика, одеваются и сидят в брюках. Потом снова раздеваются и снова сидят у рокового ящика.

Так, незаметно, за дружеской беседой с другими караулящими, проходит время.

Но люди отчаянной жизни и неустанно жившегося мировоззрения поступают иначе. Они раздеваются, перекидывают через руку носки и подтяжки, зажимают подмышками желтые полуботин-

К. Р. 35

Рис. Л. Сойфертиса

— В скольких частях эта картина?
— Как сказать. Если механик сильно выпивши, то частей сорок будет!..

ки и с такой полной оснасткой идут мыться.

На всю эту собственность ставится пустая шайка, полуботинки осторожно придерживаются голой пяткой, и моющийся бодро намыливается, коршуном взирая на соседа, который хлещет себя веником, сидя на воротничке и запонках.

Но курское сидение на запонках еще не так страшно. Здесь банный потребитель просто подчиняется стихии. От него не требуется ни звериной изворотливости, ни выносливости доисторического человека.

В Виннице, например, в единственной бане (а этот вид бань наиболее распространен на периферии) нужно предварительно намылиться, закрепить чисто местными способами на себе слой мыла и стать в очередь к душу.

Других методов смывания мыла не существует. Краны играют роль чисто декоративную. Гражданин, находящийся, например, двадцать третьим в очереди, поставлен перед такой дилеммой: или вернуться домой в намыленном виде или дожидаться, пока судьба и терпение втиснут его под радостную струю душа. Хорошо еще, если домой. А если человек собирается в гости? Или на дружескую вечеринку? Как встретят его в таком виде близкие люди? И хорошо, если струя из душа не иссякнет к его очереди. А вдруг четыре последние капли обессиленного душа проползут по спине, и человеку

придется влезть в белье в обидно скользком состоянии?

И очень похвально, что его вообще выпускают из бани даже в таком непривлекательном виде. Это уже широкий жест.

В Днепропетровске, например, с ним поступили бы суровее, по всем правилам сугубой бдительности. Там в коммунальной бане № 2 вообще не выпускают посетителя, если он не положил в карман пальто своего паспорта. Номеркам там не верят. На номерках — ни особых примет посетителей, ни даты его рождения, ни справок об отношении к воинской службе. Номерок — нечто легковесное. Вроде цветка в петлице. Паспорт — другое дело. Под паспорт даже принято выдать дождевик или лысый полшубок. Знаешь, кому выдаешь. Без паспорта в Днепропетровске не вымоешься.

Это вам не в Каменском районе, Московской области, где безответственные элементы, очевидно, успели проникнуть в баню, располагающую тремя шайками, и нагло завладеть ими. Но местная милиция, как это говорится, не дремала. Она сумела грудью отстоять баню от натиска мелкобуржуазной стихии и сделала ее недоступной для развязных попыток. Правда, когда приезжий районный прокурор пытался помыться и безнадежно похлопывал веником по голенищам сапог, было отказано и ему. Но мало ли каких излишеств захочется и районному прокурору, когда он не у себя дома, а почти на периферии!

Районный прокурор, наверное, согласился с доводами, что баня для приезжих — это еще рано, и уехал домой. Это — его частное дело.

Значительно острее чем с районным прокурором обстояло дело третьего марта в Новороссийске в коммунальной бане с монолитной группой недомывшихся граждан мужского пола.

Неизвестно по каким причинам в мужском отделении перестала идти горячая вода. Повидимому, никакие меры воздействия на горячую воду не оказали влияния, и взмыленным людям оставалось или снимать с себя мыло щепочками или окатываться ледяной водой. Намыленные люди стали издавать тихие протесты.

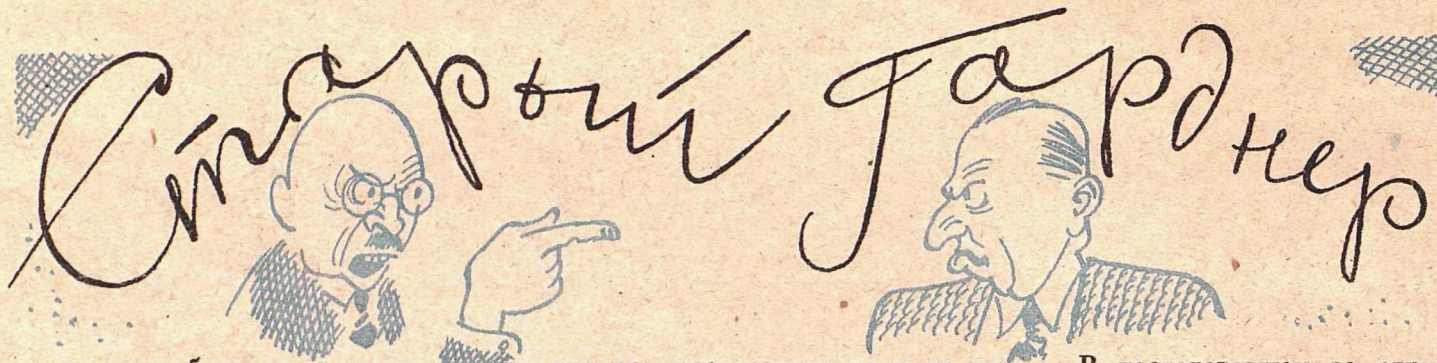
Банные вожди собрались на производственное совещание и решили:

«упомянутых намыленных перевести в женское отделение на предмет размывания».

И вот по кирпичным коридорам новороссийской бани тронулась унылая процессия намыленных людей, вооруженных шайками и мочалками, в женское отделение. Из последнего кинулся в раздевалку испуганный женский состав моющихся. Паника сравнительно быстро закончилась очищением бани от посетителей.

Плохо у нас на банном фронте. Фельетонов много, а шаек мало. А разве из фельетона вымоешься?

Арк. БУХОВ

Сразу должны были отпраздновать два события: во-первых, оба получили наконец квартиры в новом доме, во-вторых, исполнился пятнадцатилетний юбилей их дружбы. Об этом обстоятельстве они вспомнили как-то совершенно случайно, возвращаясь с партийного собрания.

— Вася, — сказал задумчиво Коробков, обратившись к молча шагавшему рядом Клязьмину. — Ты не помнишь, когда это мы встретились с тобой в штабе Тилигуло-Березаньского полка? Ты еще тогда в руку был ранен.

Клязьмин помедлил с минуту и уверенно ответил:

— В июле двадцатого года.

— В таком случае, — торжественно заявил Коробков, — имею честь довести до вашего сведения, уважаемый Василий Иванович, что нашей с вами дружбе через три дня стукнет пятнадцать лет. Так сказать, не плохой юбилей.

Тут голос Коробкова дрогнул.

Так и получилось, что торжественный въезд в новые квартиры оба наши героя решили отпраздновать совместно с пятнадцатилетним юбилеем дружбы.

После долгих лет скитаний по гостиницам, по углам, по ледяющим воображение коммунальным квартирам, было чертовски приятно расставлять новую, пахнущую свежим лаком мебель по комнатам своей квартиры. Мощные диваны расположились у стен незыблемо и солидно, как вечность. На веселых, отделанных под орех, полочках, ровными рядами расположились стройные батальоны книг. Желтые кресла гостеприимно светились за новыми столами. Сладострастные пурпурные абажуры величаво покоились над столами и в спальнях. И еще была масса других очень приятных и полезных обновок.

Гости должны были собраться к девяти. Но уже к 7 стол в квартире Коробкова блистал белоснежной скатертью.

Понемножку собирались гости. Они дружески хлопали хозяев по плечу и обходили комнаты истоиво и набожно, как экскурсанты из провинции.

Когда все уселись за стол, выяснилась одна небольшая деталь. Чтобы рассадить гостей, нужно было убрать со стола часть посуды. Решили пока что оставить на столе только столовую посуду, а когда подадут чай, ее уберут и поставят чайную.

Жены юбиляров бросились было убирать стаканы и чашки. Но не таковы были юбиляры. Галантно поклонившись своим женам, они попросили разрешения проделать за них эту высокоприятную процедуру. Потом они поставили всю чайную посуду на два новых огром-

ных подноса, расписанных цветами, как старинные извозчичьи дуги, и величаво под гром аплодисментов удалились на кухню.

— Пожалте, Василий Иванович, — сказал Коробков, уступая Клязьмину дорогу у дверей кухни.

— Ах, что вы, Иван Васильевич, — учтиво возразил Клязьмин и тут же прыснул от смеха.

— Ну, ну, давайте, давайте, гражданин, — сказал Коробков, на ходу перевоплощаясь в милиционера. — Давайте, не задерживайте, — и тихонько подтолкнул Клязьмина плечом.

Клязьмин, не ожидавший толчка, пошатнулся, но героическим усилием привел себя снова в вертикальное положение и удержал покачнувшийся было поднос.

Могло быть хуже. Но в результате принятых им мер упала на пол и печально хрустнув, разбилась только одна красивенькая синяя фарфоровая чашка.

Быстро поставив подносы на стол, оба бросились к разбитой чашке.

— Здорово! — сказал Клязьмин. — Вот из-за твоих глупых шуточек чашечку угробил. Ой! — тут же вскрикнул он. — Это же гарднеровская чашка. Да ты знаешь, что ты наделал, дурья твоя голова! — заорал он вдруг истощенным голосом, наваливаясь на опешившего Коробкова. — Ты понимаешь, что такое гарднеровская чашка? Да ей цены нет! Да она самое меньшее пятьдесят целковых стоит. Вот всегда ты так. Небось, свою чашку не разбил бы...

— Постой, Вася, ну, разбил. Нечаянно ведь. Ну, ладно, откуплю тебе другую. Гардиновскую.

— Не гардиновскую, а гарднеровскую. Старый, драгоценный Гарднер!

— Ну, ладно, гарднеровскую. Ты говоришь: всегда так...

— Ну, конечно, всегда так, — плачущим голосом продолжал Клязьмин. — Всегда ты умудряешься какую-нибудь неприятность мне сделать. И клопов ты мне в комнату занес в Тамбове. Кепку одолжил в прошлом году, а вернул в пятнах.

— Ну, ну, — огорчился в свою очередь Коробков. — Кепку в пятнах — правильно, не отрицаю. Насчет клопов — спорно. А вот книжки я уже ни у кого никогда не брал без отдачи.

— То есть как без отдачи?! — взвизнул Клязьмин, посмотрев на Коробкова уничтожающим взглядом. — О каких книжках ты говоришь?

— Да хоть о Чехове.

— А ты мне Мопассана отдал? А, молчишь?!

В последовавшем за этим дальнейшем обмене мнений выяснилось, что Коробков никогда не был особенно высокого мнения об умственных способностях Клязьмина, в ответ на что Клязьмин взялся тут же доказать, что многоуважаемый Иван Васильевич чрезвычайно посредственный хозяйственник.

— Может быть, я и плохой хозяйственник, — трагически возопил на всю квартиру Коробков, бия себя кулаком в грудь. — Но плохим партийцем я никогда не был.

Баталия разгорелась. Юбиляры, с ненавистью смотря друг на друга, выискивали в памяти мельчайшие детали их биографии, которые могли бы унижить и очернить противника.

— В чем дело? — загудели взволнованные гости, набежавшие в кухню на шум.

И вот когда Коробков и Клязьмин, перебивая друг друга, начали объяснять, в чем дело, соседка юбиляров, из сорок пятой квартиры, тихо ахнула и, всплеснув руками, уселась на первую попавшуюся табуретку.

— Боже мой! — сказала она, всхлипнув. — Мою чашечку разбили. Чуяло мое сердце, не хотелось одалживать ее. Вот и разбили. Дивного саксонского фарфора...

— Какой же там саксонский? — Гарднеровский ведь. Посмотрите на марку, — возмущенно сказал Клязьмин, поднося к своим глазам бранные останки чашечки. Потом он окинул взором поднос, и его лицо вдруг расцвело в сияющей улыбке.

— Боже мой, действительно, эта чашечка саксонского фарфора. Ваня, — обратился он к Коробкову, — это, оказывается, не моя чашечка. Моя, оказывается, вон там целенькая на подносе стоит.

— Ну, вот и здорово, — облегченно вздохнул Коробков. — Все в порядке, дурья твоя голова!

Ухмыльнувшись, он ласково хлопнул Клязьмина по спине, и дружба была восстановлена.

— Как вам не стыдно, — сказал Клязьмин соседке из сорок пятого номера, выходя из кухни подруку с Коробковым. — Как вам не стыдно распускать нюни по поводу какой-то несчастной чашки.

И так как соседка продолжала вслух огорчаться, Коробков строго добавил: — Коммунистка, а до чего еще в ней живучи остатки капиталистической, советской психологии...

Юбилей затянулся далеко за полночь.

Л. ЛАГИН

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

(ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТИЯ ЗИМНЕГО СЕЗОНА В 1-м МОСКОВСКОМ ГОСЦИРКЕ)

Уважаемые вожди Гомэца!
Дорогие товарищи директора!
Легки на помине! Честь и место!
Сказать по правде, давно пора.

Садитесь удобнее. Вам не дует?
(Товарищ Дуся, гоните чайку!)
Крокодил вам очень рекомендует
Быть неослабно начеку.

При царизме арена гнилью кормила,
Снижая нормы таланта и вкуса.
Но соввласть поставила вас у кормила
Прекрасного массового искусства.

Кажись, все в порядке. Но увы,
Какие странные результаты!
Мы, конечно, и верить не смеем, что вы
Хоть капельку в этом виноваты.

Нет, нет, я вас оскорбить не могу.
Это было бы несправедливо и очень.
Вы, наверное, были в отпуску
На даче или в Крыму или в Сочи.

А тут без вас в советский госцирк
Ворвались с силою ураганной
Самые подлые образцы
Старорежимного балагана.

Вы невиновны ни слухом, ни духом
И сами будете поражены,
Узнав, что в госцирке конца нету
Плюхам

И пинкам ногой пониже спины,

Что ваши коверные лихо и пылко
Валяют друг друга в пыли и опилках.
Что Пошлость (Альперов) и Бездар-
ность (Роланд)
Заслоняют Мишеля веселый талант.

Что, глядя на лошадей в качалках,
Благородных этих животных жалко.
И даже блестящие Кадыр-Гулям
Не искупают весь этот хлам.

Что группа напудренных борцов
В зеленом свете (обычном для морга)
Под видом «античных образцов»
Копируют скверные гипсы Мосторга.

Что в дни, когда прыгает Камнева Нина
И другие (имя им легион),
Восемь метров «полета» в сетку
с трамплина
У вас выдается за аттракцион.

И — что нас больше всего поражает —
На арене (я верить почти не хочу)
Пять советских артистов
изображают,
Будто бы пьют собачью мочу.

Виноват. Вы, кажется, покраснели?
Ах, жарко? Откроем окошко сейчас.
И представьте, что зритель ждет
объяснений

Всех этих безобразий — от ВАС.

Он уваженья уже не питает
К вам, полновластным директорам.
И ответственными, представьте, считает
Именно вас за весь этот срам.

Его вкус воспитали кино и театры,
Лучше которых в мире нет.
Он кричит вам: «А где ВАШИ новые
кадры?»
Скучные клоуны?! Дряхлый балет?!»

Из всех номеров один первоклассный —
И тот привезен из-за рубежа!
И мы признаемся (от страха дрожа),
Что со зрителем абсолютно согласны.

И сколько о хозрасчете ни всхлипать,
Как ни божиться «длинным рублем»,
Хозрасчет ваш скоро окажется липовым,
Если вкорме не будет цирк обновлен.

Он хиреет. Он до сих пор остается
Без сатиры, без острых номеров,
Без идей, без художественного
руководства,
Без новаторов, кадров и мастеров.

Таков он во всей неприкрашенной яви,
И невзирая на всю мишуру,
Любой приезжий колхозник заявит:
— Нет, нам эта ярмарка не по
нутру.

Мы выросли, мы уже сами с усами,
А коль вам по вкусу собачья моча,
То пейте ее секретно и сами,
А в нашем советском цирке — для ча?

Ник. АДУЕВ

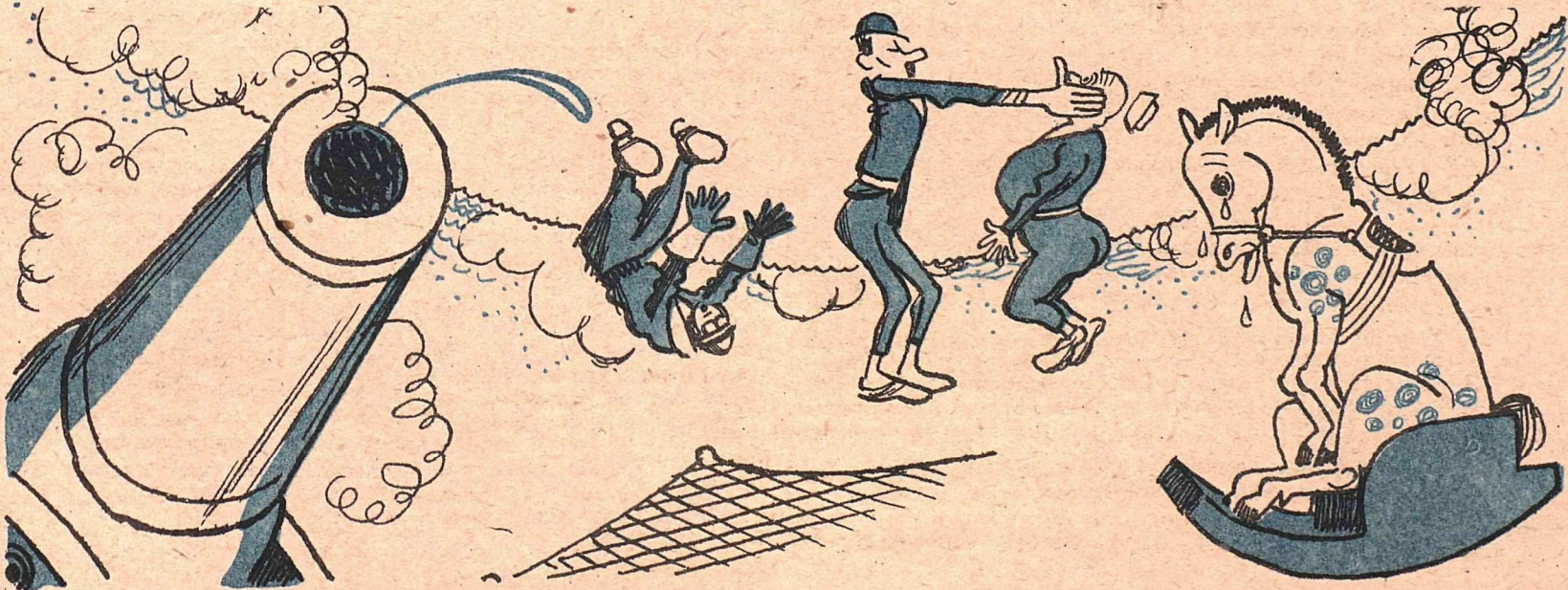

Рис. Л. Гейча

— Ну, дедушка, значит сегодня обедаем!

— Нет, милый Ганс, кушай ты. Мне на своем веку много раз приходилось обедать, тебе же почти ни разу...

К Р У Г

О Т В Е Т

В 8 часов утра в аудиторию N-ской военной школы вошел преподаватель Крюков. Преподаватель принял рапорт дежурного по классу, сел за столик и раздумчиво сказал:

— Ну-с, кто нам сегодня расскажет о том, где и когда надо ставить запятую?.. Ну, допустим, товарищ Журавленко. Пожалуйста к доске, товарищ Журавленко!

Розовощекий подтянутый Журавленко со значком «ворошиловского стрелка» на груди ровным шагом вышел к доске и начал:

— Запятая ставится перед словами: «который», «что», «если», а также в тех случаях, когда...

Это было в 8 часов утра, а в 3 часа дня преподаватель Крюков в свою очередь скромненько сидел в аудитории при курсах переподготовки учителей и слушал лекцию по политэкономии.

— В прошлый раз мы остановились на определении земельной ренты, не так ли? — говорил лектор, слушатель института Красной профессуры (сокращенно: икапист), товарищ Посягацкий.

— Как же определяют земельную ренту классики политической экономии Адам Смит и Рикардо?

Через 3 часа, то есть в 6 часов вечера, этот же икапист старательно заносил в свою тетрадь высказывания руководителя кафедры философии ИКП академика Фомина. В малом конференцзале Института шуршали перевортываемые листы тетрадей и изредка кто-нибудь из слушателей негромко кашлял. Академик Фомин делал доклад о системе воззрений Людвиг Фейербаха.

Около 10 часов вечера академик Фомин пребывал в клубе научных работников, точнее, академик находился у барьера в клубном тире и, уперев винтовку в правое плечо, целился в фанерную мишень. Подле академика стоял известный уже нам военный курсант Журавленко со значком «ворошиловского стрелка» на груди и внушительным голосом говорил:

— Плечи, плечи ровнее надо, товарищ Фомин! И перед тем, как целиться, надо дать прикладу настоящую опору, иначе мы никогда не научимся стрелять!..

Академик послушно выпячивал грудь и вдавливал приклад в плечо.

Трехлетняя Лидочка была вхожа в комнату ближайших своих соседей по квартире — бездетных супругов. Лидочке всегда были рады, часто потчивали ее печеньем и конфетами, и единственное, что ей было запрещено в этой комнате, — это самостоятельный (без взрослых) осмотр письменного стола. У проживавшего здесь дяди Миши на столе помещались какие-то бутылочки, из которых легко лились чернила и клей, и какие-то бумаги, на которые эти чернила и клей попадали и на которых нельзя было рисовать ни девочек в профиль с двумя глазами, ни красноармейцев с восьмью пальцами на каждой руке.

Впрочем, даже из этого неприкосновенного фонда Лидочке выдавались карандаши и листы бумаги. Но человека тянет ко всему запретному.

Однажды Лидочка, потихоньку открыв дверь, обнаружила, что в комнате соседей никого нет.

Лидочка вошла, поглядела на себя в нижней части зеркального шкафа, вздохнула и не торопясь полезла на кресло у письменного стола. Недоступная обычно плоскость раскрылась от края до края. Лидочка от сладостного любопытства громко глотнула слюну и навалилась грудью на стол. А там уже обеими руками стала обследовать все пузырьки, коробочки, карандаши, ручки и бумаги на столе...

От увлекательного этого занятия Лидочку оторвал внезапный шорох где-то близко. Лидочка повернула голову и похолодела: подле нее с суровым лицом стоял сам дядя Миша, владелец комнаты.

Лидочка стремительно сехала со стола обратно и, не ища даже опоры ногами, опустилась вниз в расчете на кресло, которое помогло при пути на стол. Но кресло оказалось гораздо ниже, чем ждала его Лидочка. И девочка скатилась в его широкие недра, потеряв равновесие. Скатилась и сейчас же глянула на дядю Мишу.

— Ты что это тут делала? — строго спросил дядя Миша.

Лидочка одернула поднявшееся в паденье платье и бодрым, фальшиво невинным тоном ответила:

— Я падала!

В. АРДОВ

ДИКАЯ РЕВНОСТЬ

В тот вечер мы все были мирно настроены, пили чай с печеньем «Пушкин» и тихо беседовали о предметах возвышенных: о несчастных браках, семейных ссорах и диких расправах в припадке ревности.

Мы все сходились на том, что ревность — низменное чувство, которое надобно в срочном порядке вырвать с корнем как пережиток проклятого прошлого.

При этом многие из нас, охваченные благородным чувством возмущения против упомянутого пережитка, приводили для примера многочисленные факты дикой ревности.

Среди нас был один молодой юрист, недавно ездивший в командировку в Одессу. Он сосредоточенно пил чай, курил и активного участия в нашей животрепещущей беседе не принимал. Но когда речь зашла о серной кислоте как средстве химической борьбы ревнующих индивидуумов, он вдруг ожил, отодвинул свой стакан и, стукнув ложечкой о блюдо, попросил внимания.

— Все, что вы здесь рассказывали, дорогие товарищи, — начал он, откашливаясь по своей профессиональной привычке, — все это бледнеет перед тем, что вы сейчас услышите. Должен вас предупредить: во всей этой истории нет ни капли выдумки, ни грани того, что деликатно называется художественным вымыслом.

Недавно я был в Одессе. Мне пришлось там зайти по делу в одну из камер народного суда. Сидим мы в канцелярии со своим знакомым и полупотом разговариваем в ожидании выхода судьи из зала судебного заседания.

А зала судебного заседания находит-

ся тут же, рядом, и через полуоткрытую дверь в канцелярию доносятся обрывки фраз судьи, обвинителя, защитника и сторон.

По этим отдельным фразам легко было понять, о чем там идет речь.

Муж и жена. Он кустарь-одиночка. Она домашняя хозяйка.

Кустарь-одиночка не ограничивает свою жизнь семейным кругом. И вот однажды домашняя хозяйка узнает, что ее драгоценный супруг захаживает в гости к какой-то даме. Конечно скандал, истерики, ругань и все прочие атрибуты взаимного уважения.

Все ясно. И малоинтересно. Но вот в дело вмешивается и комический элемент: домашняя хозяйка скопила от хозяйства деньги и ко дню рождения кустаря-одиночки преподнесла ему пару шевровых сапог.

Доносится голос оскорбленной в своих лучших чувствах женщины:

«— Он, извините, бросил меня и ушел на местожительство к этой нахальной гражданке в красной шляпке, которая сидит вот здесь, в первом ряду, и смеется надо мной. Ушел — и пусть он провалится. Насильно не привяжешь. Но какое он полное право имел унести с собой шевровые сапоги? Вот отчего я больше всего страдаю, товарищ судья...»

Мужской голос прерывает ее:

«— Ты за серную кислоту скажи. Это же не женщина, а уголовная статья. Вбежала в чужую квартиру и плеснула из бутылки серной кислотой... Искалечила!..»

Вот оно что! Дело, оказывается, не так просто: еще одна дикая расправа в припадке необузданной ревности. Я живо представил себе лицо, обожжен-

ное ядовитой жидкостью. Кто-то остался навеки калеккой. Кто? Муж или его возлюбленная?

Но вдруг... Что там такое происходит, в зале судебного заседания? Почему такой хохот? Что тут смешного?

Я пробираюсь в зал. Стою и ничего не понимаю. Гомерический смех. Смеется публика. Смеются свидетели. Молодой парнишка, секретарь суда, заливается пронзительным дискантом. Защитник, обвинитель и сам судья вместе с присяжными заседателями хохочут.

Наконец, судья выпил воды, немного сам успокоился, утихомирил публику и обратился к кустарю-одиночке:

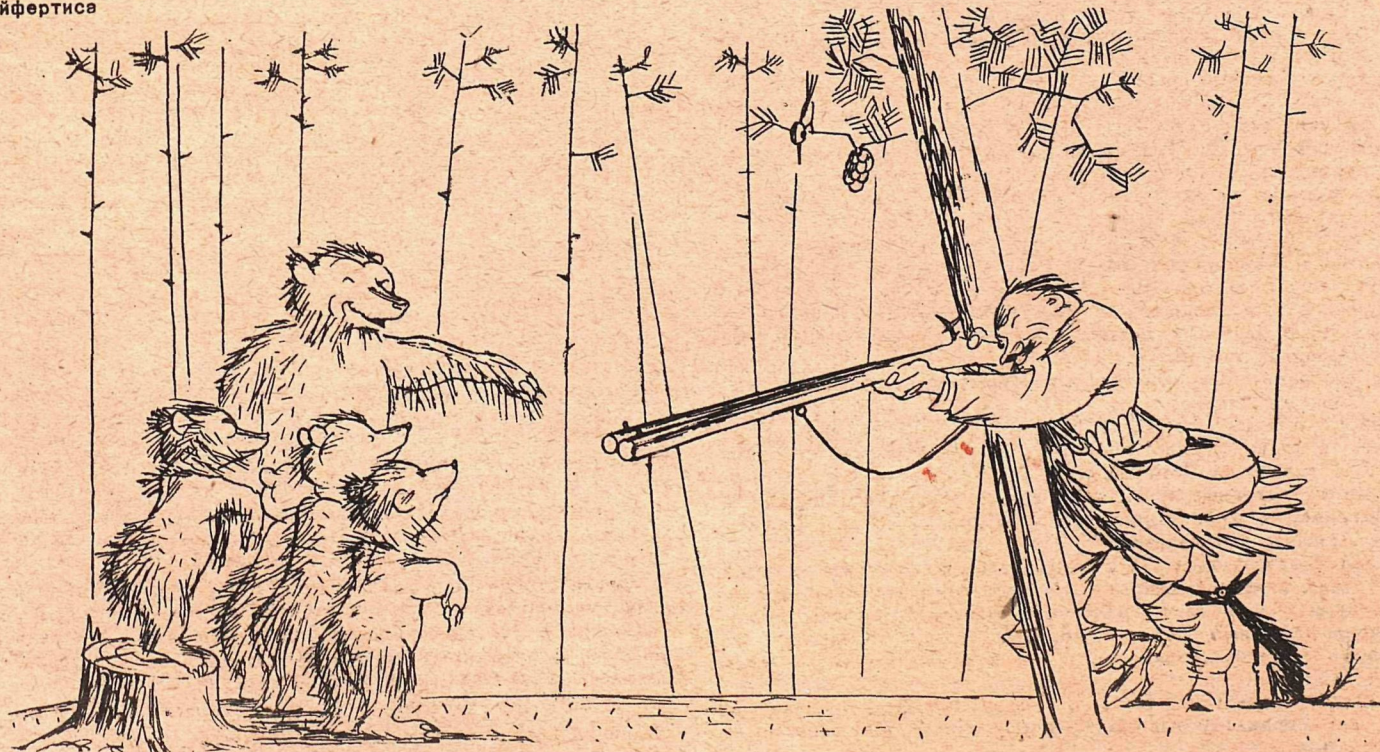
«— Повторите, пожалуйста, как все это случилось».

«— С удовольствием, товарищ судья! Я готов это повторить семь раз в день и где угодно. Моя бывшая жена — отсталая, старорежимная женщина. (Голос жены: «Бог свидетель, старорежимная я или наоборот!») Я, конечно, ушел жить по любви к другой гражданке. А когда я ушел из ее квартиры, это было рано утром, вбегает к ней вот эта сумасшедшая гражданка, моя бывшая жена (Голос жены: «От бывшего и слышу!»), с бутылкой серной кислоты. Вбегает она, конечно, в комнату этой гражданки и плеснула из бутылки и прямо на шевровые сапоги, которые стояли возле шкафа. Искалечила пару хороших сапог, и ничего тут смешного нет. А им цена — двести двадцать рублей! Разве можно доходить до такой некрасивой дикости? А что если бы там были не сапоги, а висел бы мой темносиний костюм из английского бостона, она бы и бостон искалечила?.. Так я ее понимаю?»

Г. РЫКЛИН

МЕДВЕДИЦА В КУРСЕ

Рис. Л. Сойфертиса

МЕДВЕДИЦА: — Стойте смирно, детки! Сперва охотник выстрелит в нас.
— А потом?
— А потом мы его скушаем.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

П Р И У Ч И Л И ..

Может быть, виной тому был солнечный день, но мне определенно понравилось в этой столовой. Столы были чисты, цветы благоухали, борщ ароматно дымился, котлета была в меру поджарена, очень вкусен был и кисель в стакане. Когда я съел это все, меня заела совесть.

«Вот,— думал я,— вечно нападают на столовые, в силу инерции ругают грязь, беспорядок... Следует сходить и поблагодарить заведующего».

Заведующий сидел в углу общего зала за столиком, у левой руки — счета, на груди — значок ГТО.

— Товарищ заведующий,— сказал я,— разрешите поблагодарить вас за сегодняшний вкусный, отлично приготовленный обед...

Заведующий, не поднимая от счетов головы, сказал:

— Маруся!.. Дайте гражданину жалобную книгу.

— Позвольте,— возразил я,— не надо мне жалобную книгу. Я хочу отметить качество обеда...

— Ах!— вздохнул заведующий, смешал костяшки.— Почему вы, гражданин, вступаете в пререкания, мешаете работать? Жалобную книгу даем вам без разговоров, а вы, вот видите...

— К чему мне ваша жалобная книга?!

— Устно хотите, да? Ну, говорите. Давайте устно жалобу. Я беру повара. Только, пожалуйста, поскорее... Волос, что ли, в котлете?

— Никаких волос...

— Ну, что, шницель холодный?

— Горячий... И я хочу горячую благодарность выразить вам...

— Ффу!.. Гражданин, бросьте фигурировать. Я с вами по-хорошему, а вы фигурируете... Говорите вашу жалобу, чорт подери!..

Я повернулся. Услышал из-за спины:

— Ну и типец... Вот язва-то...

М И Н У С Т Р И Д Ц А Т Ь

В свободные минуты директор этого большого завода больше всего любил говорить о молодежи.

— Эх, думали мы, что у нас такая смена будет? Жалею, что мне не минус тридцать лет. Красивая, здоровая молодежь. Дьявольски энергичная... Люблю молодежь!..

И многие удивились, когда услышали из кабинета директорские слова:

— Что вы все своей молодостью тычете? Что это — завоевание, что ли, какое! Не молодежь, а хозрасчет важен. Было бы вам плюс тридцать лет каждому, опытного инженера почему же не взять... Нет у меня для вас мест... Пожалуйста! Хоть самому наркочу...

— Практиканты...— прошептал секретарь.— Только нервы директору портят...

Ц Е Н Н Ы Й Ч Е Л О В Е К

Хоронили Верзилу. За день до похорон в местной газете на последней странице, как раз над подписью редактора, было помещено извещение, начинавшееся словами:

Служащие осыпного пункта с душевным прикорбием сообщают о преждевременной смерти помзавсоосыпником, дорогого А. А. Верзилина.

Над могилой говорили речи, восхваляя покойника.

— Александр Алексанч! — прокашлялся завпунктом.— Саша! Зачем ты ушел от нас? Такого, как ты, Саша, ценного человека не найти...

Завпунктом оглядел собравшихся и подтвердил, что нет, не найти.

— Да будет верно, то есть, виноват, земля тебе пухом!

Заведующего сменил секретарь месткома. Привыкший более всего к юбилейным речам, он было затараторил:

— От треугольника приветствую тебя, дорогой товарищ Верзилин, в этот радостный день твоей...

Но быстро выправился, тоже сказал немало слов о ценности Верзилина и вздохнув закончил:

— Что имеем, не храним, потерявши такого члена профсоюза, плачем...

А вечером на пункте всю кипела работа. Все утечки, усушки, угрызки зерна, все сверхсметные расходы списывали за счет Верзилина.

— Ориентировочно 2127 рублей 17 копеек приходится на Верзилина,— сказал бух.

— Отлично!— сказал зав.— Скажем, что пропил дорогой покойник — и все. Прибавьте еще 300 рублей, устроим завтра детский крик на лужайке...

И задумался:

— Да, конечно, все там будем, где Верзилин, только в разное время...

— Иван Серафимович,— перебил тревожные мысли бухгалтер.— Не умирайте... Живите... А если уж надумаега, то помирайте, пожалуйста, перед балансом. Ведь вы такой ценный человек.

С Е Р Д Ц Е

Он стоял в будке автомата, шарил в левом кармане и убеждал телефонистку:

— Понимаете, мне нужно вызвать врача... Но у меня нет гривенника...

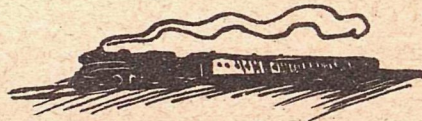
Вот, вот у меня есть двугривенный. Не два гривенника, а двугривенный... Послушайте, нельзя же быть такой бесщедливой... Наконец, чорт возьми!.. Даю вам честное слово, поговорив с врачом, я сейчас же забегу в кооператив и разменяю двугривенный на два гривенника и оба их опущу... Господи!.. Я получаю 495 рублей, не считая премиальных, неужели же я буду жалеть двугривенный?! Бюрократизм!.. Невнимание к живому человеку. Вот я стучу этим двугривенным, но он не лезет туда... Не разгрызу же я его... Слышите!.. Я буду жаловаться. Мне нужен врач. У меня сердце. Мне нельзя волноваться!.. Хотите, я трубочкой сверну рубль, суну его туда?.. Хорошо, дайте дежурную. Товарищ дежурная! Мне срочно нужен врач. У меня нет гривенника, но даю вам честное слово, сейчас же забегу в кооператив, разменяю и опущу два гривенника... Я получаю 495 рублей...

Я буду жаловаться... Мне же врач нужен!.. А, спасибо. Тотчас же верну два гривенника... 2-41-21... Квартира врача Михайлова? Это врач Михайлов? Я слышал от Софьи Абрамовны, что у вас продается отоманка...

Поговорив, повесил трубку, повертел в руке двугривенный, сунул его в карман и на пороге автомата сказал:

— Маком...

ИЗ ОХОТНИЧЬИХ РАССКАЗОВ

— Да... Начал я это с Ташкента. Приезжаю я, конечно, и провертываю кампанию по подготовке к уборочной кампании...

— И уборочную проводите?

— Ни в коем случае. Ответственности не оберешься. Еду в Краснодар. Провертываю кампанию по подготовке к уборочной кампании.

— И самую уборочную?

— Отнюдь! Еду на север, в Воронеж. Провертываю подготовку.

— И уборочную?

— Зачем. Еду на север, в Кострому. Провертываю и оттуда на север, в Вологду. Опять провертываю. Оттуда еще на север, в Архангельск. Провертываю по подготовке...

— А теперь куда же? Опять на север?

— С севера на юг. Отдыхать...

Ф И Л А Т Е Л И С Т

— Не понимаю, не понимаю,— восклицал он,— зачем собирают марки?! Как можно отрывать марку от живого тела конверта?! Если уж собирать, так собирать конверты с марками...

Он выложил на стол груды разноцветных конвертов — и голубых, и зеленых, и белых с сиреневыми бордюриками по краям.

— Смотрите, смотрите... Да вы не столько на марку, сколько на штемпель смотрите. Штемпель отправления и штемпель прибытия... Это ж рекорды самых антискоростных пробегов... Москва — Ленинград трое суток... Рекордсмен: Воронеж — Саратов двадцать два дня... А это редчайший уникум! Ростов — Ростов двое суток... С одной улицы на другую...

Но я думаю, что мы на этом не остановимся... И он осторожно начал тасовать конверты.

В. ТОБОЛЯКОВ

Дорогой Крокодил

Рис. Н. Радлова

(П И С Ь М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Дорогой Крокодил!

Ты не помнишь: не было ли специального распоряжения о прекращении выпуска обуви большого размера?

Если нет, то чем объяснить, что все обувные магазины в Краматорской отказались обуть мои влосчастные ноги сорок четвертого размера?

«Теперь и размеров таких нет», — ответили мне в магазине. — Они из моды вышли. Самый модный размер теперь — сорок два».

Не поверив продавцам, я специально поехал в Артемовск. Но и здесь я не нашел обуви нужного размера; продавцы даже посмеялись надо мной.

«Поди ж ты, какие некультурные ноги у людей встречаются еще».

Получив командировку в Макеевку, я и здесь бросился на поиски ботинок. Но, к сожалению, кроме глубоких калош, я ничего не подыскал на свои ноги.

Что делать, дорогой Крокодил? На носу зима, а на ногах только калоши! Неужели наши обувные фабрики и в самом деле взялись изживать большие ноги у потребителя.

ЛУГОВОЙ.

Донбасс,
Краматорская, Кокострой.

Товарищ Крокодил!

Я служащий и кур не имею. У меня к ним интереса нет. Но вот прихожу я в наше вязовское сельпо и прошу выдать мне за наличный расчет банку сапожного крема. Мне дозарезу необходимо ботинки почистить. А продавец ставит вопрос ребром: продаем крем за наличные куриные яйца и больше ни за что. Так и не продали и обещались не продавать. Что же это будет: или к хромовым ботинкам обязательно пару кур прикупать придется?

М. РУМЯНЦЕВ.

с. Вязовка, Шахунского р-на,
Горьковского края.

Дорогой Крокодил!

Наш областной город Петропавловск неплохой по внешнему виду, и Базарбаевская улица также имеет хороший вид, если ее осматривать с за-

жатым носом и не подходить близко к двухэтажному дому, в котором помещается столовая. Здесь и жильцы дома и сотрудники столовой льют помой прямо на середину улицы.

Тебе, пожалуй, неясно, о каком доме идет речь? Да о том самом, на втором этаже которого помещается Облздрав. Я даже думаю, что помойки здесь разводятся специально для научных изысканий иначе врачи Облздрава не потерпели бы такого безобразия.

М. ЗОТОВ.

Петропавловск,
Карагандинской области.

Дорогой Крокодил!

В нашем райотделе связи работа шла бы неплохо, если бы в конторе была иголка. А то иголки нет, дела подшить нечем, и валяются они неподшитыми за несколько месяцев. Наша бухгалтерия категорически заявила: «На покупку иголок мы не имеем кредитов».

Помоги, дорогой Крокодил, пришли 3 копейки, а то мы без иголки как без рук.

Зав. бюро жалоб
ВОЛОБАЕВ.

Павлодар, Казакстан.

Дорогой Крокодил!

В прошлом месяце я приехал в г. Грозный, где мне нужно было побывать в некоторых учреждениях, а потом выехать в Ростов. Со мной был велосипед. Когда я захотел остановиться в гостинице № 2, мне было заявлено категорически: «С велосипедами не впускаем и на хранение не берем». Часа полтора я умолял хоть куда-нибудь поставить велосипед. «Поезжайте на вокзал, там примут на хранение». Я поехал на вокзал. «Велосипедов не принимаем». Ночь мне пришлось переночевать на вокзальной скамейке — все равно в гостиницу не пускают. Днем, закончив дела, я отправился на городскую станцию купить билет. «Куда вы, гражданин, с велосипедом лезете, нельзя!» Я поехал на вокзал, и около билетной кассы то же самое: «Нельзя с велосипедом, гражданин! Вы бы еще с грузо-

Мал воротник, да дорог!

виком влезли». Пришлось нанять за 8 рублей носильщика, который сел покурить около велосипеда, пока я брал билеты. Бессонная ночь, выговоры, крики и еще 8 рублей — не слишком ли много всего этого для владельца одной скромной машины?

Врач В. АГНАЕВ.

Киев.

Дорогой дядя Крокодил!

Научи нас, что делать, если тебе пятнадцать лет и у тебя болят зубы.

Когда мы пришли в детскую амбулаторию (Житная, 31), нам укоризненно заметили:

— Какие же вы ребята, когда вам по пятнадцати лет... Стыдились бы!

Когда мы пришли в амбулаторию для взрослых (Б. Полянка, 51), нам не менее укоризненно заявили:

— Ай, ай, ай! Вам еще даже 16 лет нет, а вы уже во взрослые протираетесь.

Что же теперь делать? Попросить зубную боль подождать еще один год или

снова зайти в амбулаторию для взрослых и басом со-
врать, что нам по 20 лет?

ФЕДОТОВА, КРЕМЕР.
Москва.

Товарищ Крокодил!

Перевели меня из Ржева в Южно-Енисейск заведывать фельдшерским пунктом. Обещали квартиру. Приезжаю — квартиры нет, а дали мне комнату в родильном доме, поселили в палате. Лежу я, например, первого числа августа месяца ночью в палате, и вдруг приходит туда гражданка. Слово за слово, разговорились — оказывается, она рожать пришла. Уступил я ей койку и пошел гулять по коридору и по улице. А через пару дней опять такое же недоразумение с койкой. И так вот уже четыре месяца. Обращался ко всем — без результата. У тебя, говорят, еще палата есть. Тепло, сухо и освещение даровое. У других хуже. Что же делать-то?

И. АРТЕНЮК.

Принск Герфет,
г. Южно-Енисейск,
Красноярского окр.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

УСТРАШАЮЩЕЕ МЕНЮ

Совершенно правильно писалось в газетах о том, что неприятные и замысловатые названия блюд пора уже выкинуть из меню. Но даже и в этой скромной области наблюдаются перегибы и вместо иностранных названий появляются просто пугающие русские слова. Так например в меню столовой ИТР при Володарской фабрике-кухне (Ленинград) вдруг появилось следующее блюдо:

Суп из овсяных круп со скотскими хвостами.

Повидимому, о нормальных стандартных котлетах с огурцами в таком меню будет сказано так:

«Рубленый труп коровы с наростами на огуречной рассаде».

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Необычайное происшествие в орловском райисполкоме, или счастье в неведении:

1. Кашира—Мостатрест, тов. Наумченко

Орловский райисполком сообщает, что работник, работавший ранее по наблюдению за ходом льда и воды, в настоящее время умер, а кому передал дела Райисполком не известно.

Член Президиума (Туманов)
Зав. общим отделом (Сергеев)

ПРО ПОКОЙНИКОВ

Шел один человек по кладбищу. Дело было вечером. Темно. Дождик капал, ветер в кустах шумел. Идет этот гражданин по дорожке и видит, как будто одна могилка волнуется. Прохожий чуть не помер сперепугу и удрал. С тех пор кладбище обходит и даже боится в эту сторону смотреть.

А в той могилке лежал покойник с 1933 года, гражданин Калинин, Герасим Алексеевич.

Покойник был дисциплинированным пенсионером и при жизни по повесткам любил являться аккуратно. А тут на его имя поступает вдруг повестка из кассы взаимопомощи пенсионеров Сталинского района.

Касса Взаимопомощи пенсионеров Сталинского района просит Вас явиться по адресу Наредный дом, Введенская пл. на 26 этаж в 9 час. утра

*1/ отчет ПОВЕСТКА ДВА КОМПЛЕКТА
2/ выборы уполномоченных
3/ Разное
По окончании: художественная часть
Явка Ваша обязательна (с пенсioen. книжк.)*

Требление:

Бюджет

Очень разволновался покойник. С одной стороны, раз зовут на собрание, — надо идти, тем более буфет, художественная часть, «разное». С другой стороны, как никак — покойник, плохо сохранился, пенсионная книжка давным-давно истлела. И против медицины как-то неудобно идти.

Понятное дело: потерял покойник покой. Ворочается в могиле сам не свой. Повестка — официальный документ, от официальной профсоюзной организации.

Поворочался, поворочался. Потом плюнул на повестку и забылся вечным сном.

Вы как хотите, а все-таки до слез трогательно такое внимание к покойнику со стороны кассы взаимопомощи. Вот бы кто-нибудь обратил свое внимание на покойников, работающих в кассе взаимопомощи. Страшно вато, но нужно.

КРЫМСКАЯ НОВЕЛЛА

Никогда еще работники крымских издательств «Красный Крым» и «Ени-Дунья» не относились так внимательно к проталкиванию рабселькоровских писем как после опубликования постановления Крымобкома ВКП(б) и Крымсовнаркома.

В целях своевременного реагирования на рабселькоровскую корреспонденцию и письма рабочих и колхозников, обком ВКП(б) и совнарком Крыма обязывают руководителей всех областных, районных и городских организаций, колхозов и совхозов, а также всех директоров фабрик, заводов, промысловых артелей, торговых, производящую сеть, кооперативные и государственные организации подписаться на «Бюллетень рабселькоровских писем» — «Красный Крым» и «Ени-Дунья».

Секретарь ОК ВКП(б) Чагар
Председатель СНК Кр. АССР
Самединов.

Этим постановлением оба вышеподписавшихся товарища внесли в практику большевистской самокритики по крайней мере два своих открытия:

1. В силу особых климатических условий в Крыму можно заставлять подписываться на произведения печати в принудительном порядке и

2. Что такой бюллетень — вещь не безвыгодная как для редакций, избавляя их от необходимости печатать рабселькоровские письма, так и для издательств, ввиду немалой подписной платы на этот совершенно оригинальный в большевистской печати вид печатного органа.

НАПРАСЛИНА

Рис. Б. Клинка

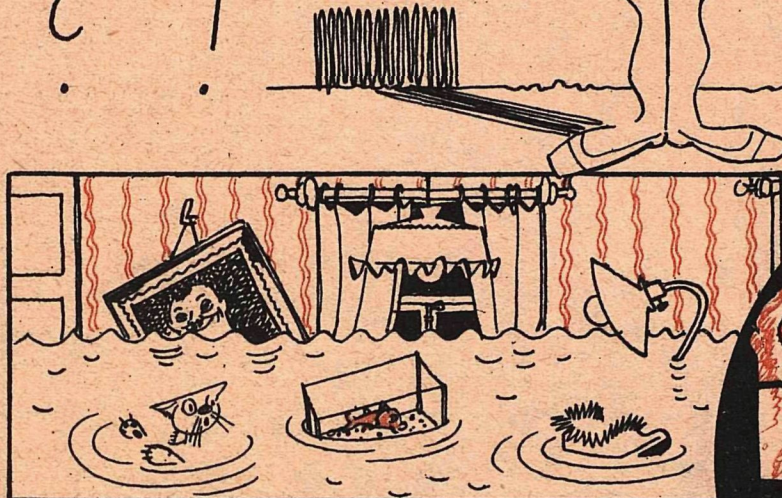
— У вас чужой паспорт. Вы его украли?
— Боже упаси! За кровные деньги купил!

Что это такое?

Что это за человек?

Посмотрите на него — кругом у него неприятности, а он стоит и спокойно улыбается.

Почему?

НАВОДНЕНИЕ ПРЕКРАТИЛОСЬ тчк ВАШУ КВАРТИРУ ЗАЛИЛО ВОДОЙ тчк ЧТО ДЕЛАТЬ

НЕМЕДЛЕННО ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЗДОРОВЬЕ тчк ПОМНИ О СЕМЬЕ тчк ЧЕМ БУДЕМ ЖИТЬ зпт ЕСЛИ НЕ ПОПРАВИШЬСЯ тчк ВЕСПОКОИМСЯ тчк

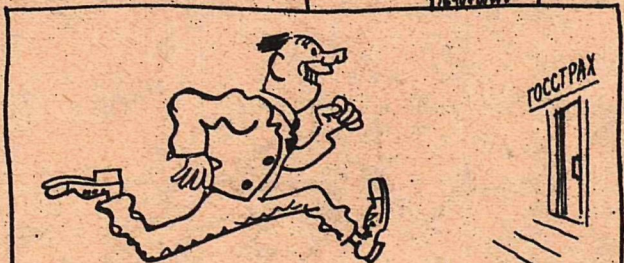
ДОРОГОЙ ВАСЯ зпт КАТЯ УРОНИЛА СВЕЧКУ тчк СГОРЕЛО ВСЕ тчк ОСТАЛИСЬ ВЕЛЫЕ БРАКИ ПОЛОСКУ тчк ЛЮБЛЮ зпт ЦЕЛЮЮ зпт ЗИНА

ЧТО С РУКОЙ тчк МОЖЕШЬ ЛИ РАБОТАТЬ тчк ЕСЛИ НУЖНА МАТЕРИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ зпт ТЕЛЕГРАФИРУЙ НЕМЕДЛЕННО ВЫШЛЮ тчк ПЕТРОВ

А очень просто. Он успел застраховаться на случай смерти. Потери трудоспособности от несчастного случая, пожара и других стихийных бедствий.

А застраховались ли Вы? Наверное нет. Наверное вы еще сидите и раздумываете.

Идите в Госстрах и страхуйтесь. И помните, что самый удобный для всякого трудящегося способ страховки — коллективный.

50

ВЫСТАВКА ЭКСПОЗИЦИЯ
9 ОКТ. 1935
В М. А. ПРАВДЫ ДОКУМЕНТЫ

М 6989 =

13 OCT 1935

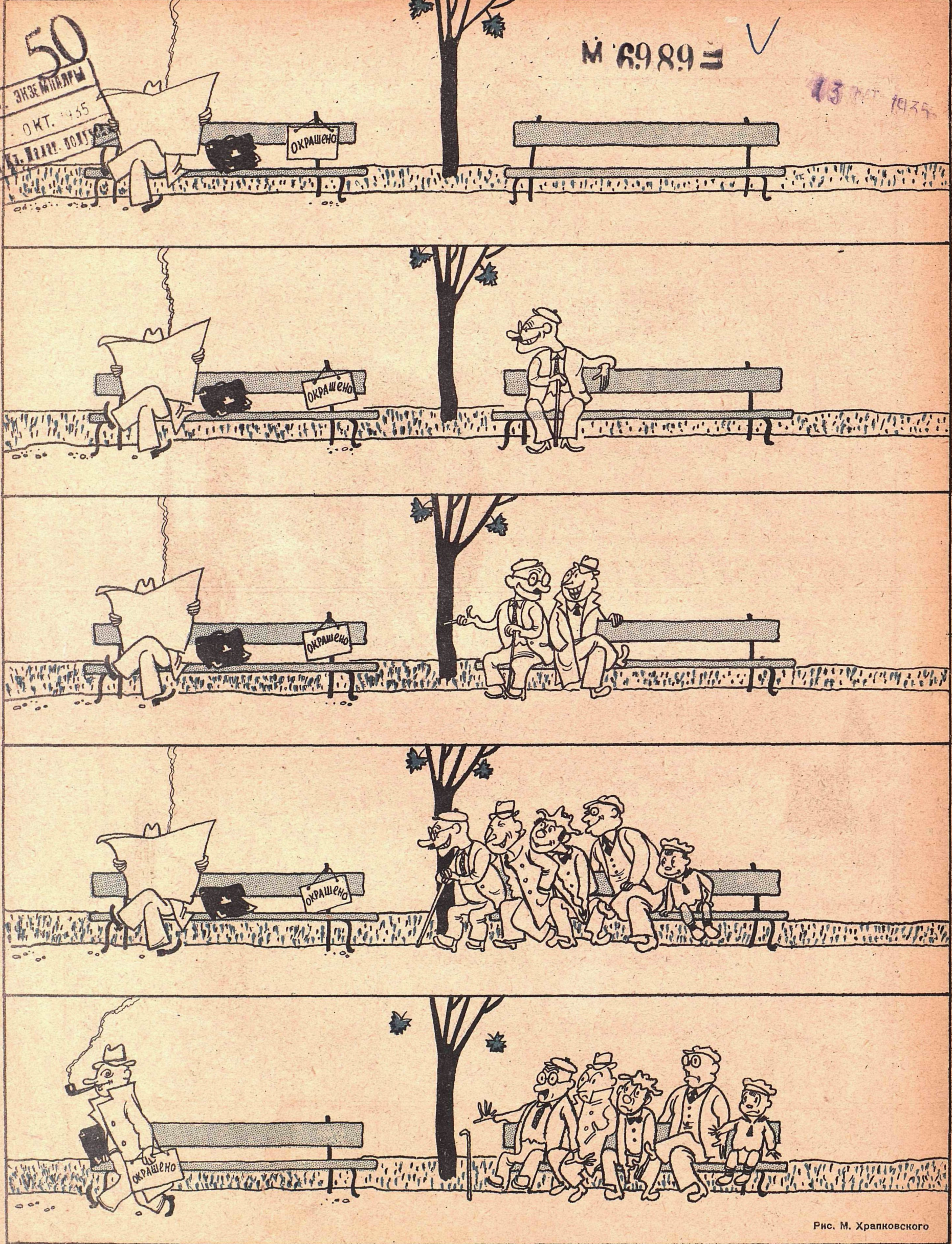

Рис. М. Храпковского